

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 330.101

DOI: 10.5281/zenodo.18278342 <https://zenodo.org/record/18278342>

ТЕОРИЯ НООНОМИКИ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКИХ И ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ «ТРУД», «СВОБОДА», «ТВОРЧЕСТВО»

Бодрунов Сергей Дмитриевич¹

Доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (Санкт-Петербург, Россия), президент Вольного экономического общества России (Москва, Россия), (inir@inir.ru), (ORCID: 0000-0003-0136-5303)

Ключевые слова: *ноономика, знание, научно-технический прогресс, труд, свобода, творчество*

Для цитирования: Бодрунов С.Д. Теория ноономики и некоторые аспекты философских и политэкономических категорий «труд», «свобода», «творчество» // Вопросы политической экономики. 2025. № 4(44). С. 26-35.

NOONOMY AND SOME ASPECTS OF THE PHILOSOPHICAL AND POLITICAL ECONOMY CATEGORIES "LABOR", "FREEDOM" AND "CREATIVITY"

Sergey D. Bodrunov

Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (St. Petersburg, Russia), President of the Free Economic Society of Russia (Moscow, Russia), (inir@inir.ru), (ORCID: 0000-0003-0136-5303)

Keywords: *Noonomy, Knowledge, Scientific and Technical Progress, Labor, Freedom, Creativity*

For citation: Bodrunov S.D. Noonomy and some aspects of the philosophical and political economy categories «Labor», «Freedom» and «Creativity». Problems in Political Economy. 2025;4(44):26-35.

JEL codes: B41

Теория ноономики, в фундаменте «конструкции» которой лежат идеи из разных сфер знания, не исключая философскую, не может «равнодушно взирать» на нарративы употребления (а порой – «злоупотребления») в современных концепциях множества идейных конструкций, понятий, трактовок, постепенно меня-

¹ © Бодрунов С.Д., 2025

ющих смысл и зачастую даже граничащих с извращением упомянутого смысла, а то и отрицанием оногo.

К примеру, философская категория «свобода» трактуется порой так широко и неоднозначно, что при сравнении трактовок ее смысла можно просто вступить в «идеологический ступор». Чего только не претерпевала эта категория в веках! «Свобода версус рабство». «Свобода или смерть!». «Свободомыслие». «Вольность». «Независимость». «Освобождение труда». «Свобода, Равенство, Братство!». И т.д. И т.п.

В каждом упомянутом выше лозунге, призыве, предложении – свой смысл и свое представление о свободе. Использование такого понятия, размытого в смысловом отношении до неузнаваемости, делает невозможным (принципиально) его строго научное использование; в то же время существует множество научных трудов, содержащих данное понятие без четкого указания «границ» его смыслового содержания.

Подобные проблемы имеют место и с любыми иными категориями в философии, политэкономии, обществензнании. Особенно много грешат нечетко детерминированным использованием понятийных конструкций именно общественные науки.

В связи с этой проблемой, теория ноономики, не будучи, конечно, полностью освобожденной от использования подобной категориальной базы, должна дать свое понимание тех понятий из этого набора, которые используются ею для собственного описания процессов и явлений, описанных в иных концепциях, но по-иному понимаемых и трактуемых в этих построениях.

К таким категориям мы в первую очередь относим те, без которых представляется невозможным показать переход от, к примеру, политэкономического подхода в описании реальности к «ноосферному», и т.п. Среди них особенно важными в этом свете становятся такие категории, как «труд», «творчество» и «свобода».

Не претендуя ни в коей мере здесь на глубокое и всестороннее исследование (безусловно, в научной литературе есть масса именно глубинных (особенно – философских) трудов), обратим внимание на некоторые аспекты этих понятий, важные для представления идей теории ноономики.

НТП и общественное производство

В современном обществе, базис которого прочно ассоциирован с технологическим укладом (ТУ) V-VI поколений (Глазьев, 1993), роль основного драйвера цивилизационного развития, в отличие от предыдущих его этапов, прочно закрепилось за научно-техническим (технологическим!) прогрессом (НТП).

В свою очередь, НТП – как явление, описывающее динамику развития науки и непрерывного возвышения вследствие этого пенетрационного уровня технологий, определяющих «технический облик» не только той или иной сферы общественного производства, но и уклад жизни социума – также переживает смену своего «лица». Если в середине XX века мы говорили о собственно и непосредственно научно-техническом прогрессе как поступательном процессе включения (внедрения!) научных достижений в технологии, об их имплементации в текущий производственный процесс (вспомним хотя бы массово создаваемые в 60–70-х годах в СССР «отделы внедрения» на заводах), то уже в конце прошлого столетия

стало заметным изменение тренда его развития: мы стали наблюдать начавшееся «ускорение» НТП, все более быструю смену технологий (Осипенко, 2013), становящихся все более экономически эффективными, позволяющими снижать издержки производства, повышать производительность труда и т.п. Ускорение НТП, как представляется, неспроста получило свое наименование: подобно тому, как в механике скорость есть производная пути по времени, ускорение есть первая производная «скорости» измерения НТП, характеризуя новое состояние НТП. «Ускорение НТП» стало «производной» результирующей внедряемых на предыдущем этапе технологий.

Ранее мы указывали, что в основе этого явления лежит принципиальный феномен, проистекающий из природы Знания – свойство генерирования синергии Знания, составляющей движущую силу научных открытий и, соответственно, – как самого НТП, так и его производных. Шаг за шагом любое новое открытие, в сущности, влекло повышение его пенетрационной («проникающей») способности (Бодрунов, 2018) и, далее, возможности его имплементации – рано или поздно – в соответствующее этому периоду производственное (а затем – и в социальное) пространство. Накопление изменений в последнем, в свою очередь, с некоторого момента (как говорится, Гегель нам в помощь), создавало новое качество этого пространства, формируя новый ТУ. Но – не только его. Изменялось и «лицо» самого механизма «перелива» Знания в общественное производство – НТП. С конца второй половины XX века «облик» этого процесса и стал описываться как «ускорение НТП».

Как это отразилось на производстве?

Несомненно, сфера производства «отреагировала», несмотря на свою пресловутую «инерционность», достаточно быстро. «Отделы внедрения» стали постепенно, с переходом функционала «внедрения» из состояния спорадических и детерминированных актов в непрерывный процесс, создающий новый «инновационный» облик предприятий и в целом обеспечивающий переход к приоритизации инновационного типа производства, превращались в отделы «инноваций», их функционал существенно изменился – как и содержательное наполнение, кадровый состав и тип деятельности. Инновации стали обязательным атрибутом успешной производственной деятельности, а инновационные предприятия составили каркас экономики V-го и особенно VI-го ТУ.

Этот переход – от поступательного развития НТП к его ускорению был обеспечен существенным возвышением роли Знания в применяемых в производстве технологиях (и его «доли» в производственных инвестициях). Благодаря способности Знания порождать синергию при взаимовлиянии разных его «квантов» друг на друга как раз и возникает шумпетерианская «волна инноваций», «резонансные» части которой, возникающие на «стыке наук», «соединений/интеграции инновационных решений» и т.п., и генерируют, порождают, вообще говоря, новое качество научных и технологических! решений.

Переход к преимущественно инновационному типу общественного производства – великое достижение финальной стадии XX–XXI века.

Сегодняшнее состояние НТП (в терминах теории «технологических революций» – «технологическая революция 4.0») мы, следуя нашей логике исследования, называем «ускорением ускорения НТП», «второй производной» его бывшего «линейного» развития («производной» ускорения, характеризующей темп изменения

уже ускорения, «рывок»). Терминология «революционеров» в отношении характеристики состояния НТП, именуя его некий этап, не раскрывает сути явления, останавливаясь лишь на его «очередности», чего недостаточно для описания его сущности, тогда как наш термин, применяемый в теории ноономики – «ускорение ускорения НТП» – уже самим поименованием явления указывает на важнейшую, главную его, «сутевую» особенность – этап динамики развития НТП.

В основе этой динамики лежит переход к очередной стадии состояния НТП, при этом Знание, имплементируемое в технологии, становится базовым фактором производства (в отличие от предыдущих этапов, где таковыми являлись его материальные компоненты – природные либо переработанные материалы, энергия и т.п.; этот факт составляет главное отличие нового технологического уклада (мы в теории ноономики обозначили его как ТУ-VII), и, по С.Ю. Глазьеву, нового, глобального Интегрального мирохозяйственного уклада (ИМХУ) (Глазьев, 2016), и, далее, следуя политэкономическому дискурсу, базис переходного состояния общественного устройства от его современного экономического типа к ноотипу – Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) (Бодрунов, 2016), знаменующего начало нооперехода (Бодрунов, 2024)) (Рисунок 1); при этом, в то же время, уже сами технологии нового поколения становятся – впервые в истории цивилизации! – приоритетным инструментом дальнейшего ускорения НТП (в частности, технологии когнитивной сферы, ИИ, виртуализации и «дополнения» реальности, квантовые вычислительные комплексы, нейросети и мн. др.).

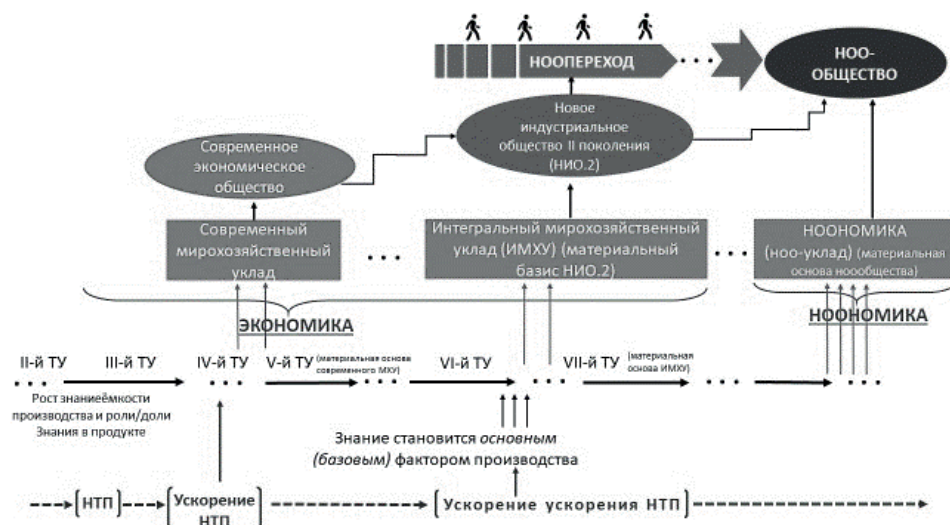

Рисунок 1. Ноопереход в новое состояние общественного устройства

Источник: составлено автором.

Изменение производительных сил качественно и по составу: переход в творчество

В связи с расширением сферы познания возникает ряд вопросов по поводу современных оценок и трактовок некоторых фундаментальных философских, эконо-

мических и обществоведческих категорий, описанных, в т.ч. политэкономической наукой и, казалось бы, имеющих устойчивое представление и «место в науке». В этом смысле речь идет и о таких категориях, как рассматриваемые нами «труд», «творчество» и «свобода».

Очевидно – безусловно, расширение сферы познанного, «раздвигание границ» этой сферы расширяет и возможности творческой сферы. Это показано, в частности, в (Бодрунов, 2025b). Однако в контексте вышеизложенного представляется целесообразным вернуться еще раз к этому вопросу.

Творчество – это особая способность человека, неразрывно связанная с такой его способностью, как открытие Знания и с процессом познания, а также возможностями раскрытия обеих этих способностей. Две указанные способности, заложенные в природе человека (созданного «по образу и подобию Божию (Всезнающего и, соответственно, Всемогущего Творца), позволяют ему создавать творческие конструкции (или «ментальные объекты», по А. Фриману (Freeman, 2020).

Под «конструктами» мы обычно понимаем любые творческие результаты применения Знания для формирования ментальных образов, явлений, предметов и т.п. (Бодрунов, 2025а), в то время как А. Фриман говорит исключительно о «ментальных объектах», подразумевая под ними ментальные *образы будущих предметов*, которые могут быть воплощены в материальные объекты. Наша трактовка «ментальной» деятельности человека шире и подразумевает не только использование двух способностей человека, указанных выше, но и создание «объектов», не подразумевающих их материализацию, но вполне реальных с точки зрения принятия их нашим сознанием – например, теорий, мелодий и т.п.

В советской экономической теории зачастую использовались термины «творческая деятельность» и «творческий труд». При этом первое понятие содержало как «ментальный» элемент деятельности, так и его воплощение в материальные объекты, и в таком смысле оно, по сути, близко к пониманию «ментальной» деятельности в трактовке А. Фримана. Именно отсюда использование подобного типа деятельности в трудовом процессе в рамках классического набора производительных сил подразумевало формирование понятия «творческий труд», а технологии использования такого труда сегодня повсеместно вошли в терминологический обиход (и не только в экономической науке, но уже и в массовой информационной сфере и даже в сфере государственного управления, планирования и т.п.), став основой так называемых «творческих индустрий», или «креативных индустрий».

В русском языке, в отличие от английского, – что следует четко обозначить – слова «творческий» с русским корнем и англицизм «креативный» несколько различаются по своему смысловому содержанию. Не вдаваясь в семантико-филологические детали (к примеру, семиотический морфизм слова «тварь» (от понимания его как результата «Божественного промысла» (Божья Тварь) до полной противоположности – ругательного и даже обценного)), отметим важный для нашего исследования аспект этого различия. «Творческий» подразумевает формирование на основе познавательной и творческой способностей человека творческих конструкций, включая те, которые подразумевают *возможное* материальное исполнение (воплощение, обретение «плоти»), в то время как «креативный» понимается преимущественно как *создание* материального либо «идеального» объекта, т.е. предполагает в конечном итоге *завершение процесса «творения»* в виде «менталь-

ного» («идеального») или материального объекта. Более того, под «креативом» в широком смысле понимают зачастую – в связи с этим – еще и некий «новый», «необычный» подход к решению задачи, а то и – носители русского языка «подкоркой» чувствуют тонкое это различие – заурядное «хитрованство»; «креативные индустрии» – еще более отделенные от реального творческого наполнения виды деятельности (хотя часто и частью содержащие их в своей основе).

Упомянутая связь двух способностей человека – познания и творчества, в контексте изложенного, фундируют наше утверждение о том, что с ростом знаниеемкости общественного производства растет и доля в нем «творческого труда», творческой компоненты, а общественный продукт становится не только более знаниеемким, но и более «творческоемким» (Бодрунов, 2025b).

Свобода труда и свобода от труда

Категория «свобода» есть «ценностная категория», важная для понимания «ядра нооценностей».

Дадим ей некоторую особую трактовку, отражающую ее «отблеск» в свете теории ноономики.

Многие категории такого рода по-разному трактуются, с одной стороны, с точки зрения «традиционного» – и, с другой – ноо-понимания сущности такой ценности. И именно особенности трактовки категории «свобода», в свою очередь, демонстрируют наиболее значимое и принципиально важное отличие нооподхода (а также понимания «ядра ценностей») к описанию реальности от всех остальных.

Отметим, во-первых, что категория «свобода» в теории ноономики тесно увязана с проанализированной выше категорией «творчество». Вообще говоря, это было отмечено еще Платоном, у которого само творчество предстает как «род одержимости», а «человека делает художником... лишь остановившийся на нем непостижимый выбор божественной силы» (Асмус, 1975, с. 186²). В теории ноономики именно Знание присутствует как Абсолют, существующий вне нашего сознания, кванты которого мы можем постигать, открывать, осознавать посредством дарованной нам способности. Таким образом, при отсутствии свободы выбора своего творческого предназначения человек, «одержимый» «божественной силой» и наполненный ею, может раскрыть и полностью реализовать свою свободу в процессе творчества; он свободен творить. Эти мысли из учения Платона о творчестве в том или ином виде впоследствии нашли свое отражение в различных философских взглядах, в том числе, в представлениях немецких романтиков XVII века, полагавших творческих людей «одержимых Богом».

Марксово понимание свободы восходит – однако, и прежде всего – к идее «освобождения от эксплуатации труда» (в т.ч. (вот – отмечаемый многими парадокс) – «творческого!»), в особенности – в той части, которая связывает его со средствами производства. Эта связь предполагала участие работника – подневольное (вынужденное) – в процессе производства благ, лишь часть которых опосредованно в виде оплаты труда могла быть им присвоена. Таким образом, чем больше росло закабаление (гнет), тем меньше было свободы.

² URL: <https://philos.msu.ru/sites/default/files/lib/%D0%92.%D0%90%D1%81%D0%BC%D1%83%D1%81%20-%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD.pdf?ysclid=mivczv7sdr659184646> (дата обращения: 24.09.2025).

Не вдаваясь во многие иные трактовки, остановимся на последней, поскольку, отталкиваясь от нее, мы можем наиболее «выпукло» презентовать ноономический взгляд на эту категорию.

В нашей трактовке «свобода» – это *возможность* самостоятельно, «вольно» распоряжаться всеми доступными индивиду/обществу ресурсами. Автор, как известно, с одной стороны, в момент написания данных заметок является Президентом одной и старейших общественных организаций в мире – «Вольного экономического общества России», а с другой – довольно широко публикуется на разных языках, что «поневоле» постоянно возвращает его к сравнению смыслов «вольное», «свободное», «независимое», «либеральное» и т.п. – в русском и в иных языках. Абсолютная свобода в этом смысле есть *абсолютная возможность*, однако таковая, не существуя на практике, *невозможна*. В то же время приближение к абсолютной свободе – цель, достижение которой человек ставит перед собой, намереваясь получить незаменимый инструмент для реализации других целей. Тем самым ограниченность или отсутствие подобного инструмента сужает возможность достижения остальных целей.

Отсюда, заметим, в современном обществе одним из наиболее развитых инструментов ограничения возможностей реализации разнообразных целей становится именно ограничение свободы (экономическими, административными, пенитенциарными и иными способами).

Т.е. ограничение свободы есть ограничение – действовать. И, в первую очередь, творить.

Какие же ресурсы для достижения «свободы» в данном контексте наиболее важны для человека?

В «инструментальном наборе» идей теории ноономики их – два. Это Знание и такой невосполнимый ресурс как Время.

Неосвобождение в этом случае от любого «невольного» использования времени, урезание «свободного» времени есть ограничение свободы. Ограничение, от которого надо быть «свободным» – для другой, «вольной» деятельности. В общественном производстве на любой стадии (формации) экономического общества это означает «освобождение работника от эксплуатации», от затрат времени на производство благ, не присваиваемых полностью работником.

Таким образом, Марксово понимание «освобождения» имеет именно такую фундаментальную коннотацию. Однако рецепт марксистского «освобождения» через насильственное (революционное) «разрушение мира насилия» (эксплуатации (прежде всего – «отнятия» Времени у работника)) никогда не давал (и не может дать) ожидаемого эффекта без другой (и принципиально важной) компоненты – *замены труда* работника «трудом» «неработника» – технических устройств («технетических существ» из теории технетики). А их «выращивание» – функция Знания. С развитием технологий и ростом их *знаниеемкости* происходит все большее – и реальное, и именно оно (а не борьба трудящихся!) – высвобождение работника из непосредственного процесса производства и от его непосредственного участия в производстве любых, даже присваиваемых им благ, т.е. сокращение так называемого «рабочего времени». Именно это приводит к увеличению степени свободы, которую человек может использовать по своему усмотрению – вольно, *по своей воле*.

С исчезновением из состава производительных сил такого элемента, как «труд», категория «свобода» приобретает иное качество. Превалирующими становятся иные ограничения степени свободы, не связанные с трудовой функцией (как известно, «жить в обществе... – да и не только в обществе, а просто жить (*авторская вставка в цитату*) – и быть свободным от общества нельзя» (Ленин, 1968, с. 104)).

Так называемое «свободное» от труда время в рамках нооперехода (Бодрунов, 2024) будет все больше увеличиваться, и человек перейдет к использованию этого времени на другие виды занятий и типы деятельности.

Учитывая упомянутые выше способности человека к познанию и творчеству и очевидную тенденцию к творческой деятельности в структуре общественной занятости (да и «креативизации» социума и его индивидов), в этом свете становится более фундированным тезис советского обществознания о «возрастании роли творческой деятельности» в жизни общества в ходе продвижения его к коммунистическому идеалу.

***

В связи с вышеизложенным сделаем небольшое заключение – в свое время в XIX веке молодые российские последователи Маркса организовали группу «Освобождение труда», и ее название прямо указывало на то, что смыслом деятельности и задачей революционеров было достижение в качестве цели освобождения человеческого труда от эксплуатации с последующей реализацией задачи приложения этого «свободного» труда на работу не на «эксплуататора», а на «себя», на удовлетворение своих потребностей через общественные институты при «справедливом» социальном устройстве, каковым они полагали конструкцию, сформированную на базе идей Маркса и его предшественников (Р. Оуэна, А. Сен-Симона, Вольтера и других идейных предтеч революционных деятелей XIX-XX веков).

В действительности никакого «освобождения труда» (именно освобождения) не происходило в связи с сохранением категории «труд» в составе производительных сил такого «справедливого общества», не оставившего места и времени для развития свободы – и познания, и творческой деятельности (связанной с необходимостью наличия времени для реализации способности познавать и способности творить). Революционные методы смены «хозяина» средств производства и «воли», направленные на переход от эксплуататора-капиталиста к эксплуататору-государству, в принципе не способны – и не смогли – решить эту задачу – не паллиативно, а именно принципиально.

Эта задача может быть решена исключительно на пути развития производительных сил вплоть до исключения из их состава труда человека, развития технологического – при условии такового развития в рамках нооценностного ядра.

Следовательно, столбовая дорога «освобождения» лежала и продолжает лежать на траектории увеличения знаниеемкости как общественного производства в целом, так и *самого труда*. Именно этот процесс ведет к редукции доли труда в структуре производительных сил (с ростом доли в них, во всех их компонентах, Знания) вплоть до его полного исчезновения и перехода человека к иным видам занятости в своей жизнедеятельности, не связанных с участием в производстве продукта (создаваемого вместо человека «самодеятельным производством» с переходом к ноономике (Бодрунов, 2018)).

Таким образом, в действительности речь должна идти не об «освобождении труда», а об «освобождении от труда» (в русском языке, еще раз подчеркнем его тонкий глубинный смысловой контекст! – слово «труд» и «трудный» – однокоренные и односмысловые!) как вида деятельности, связанного исключительно с необходимостью (нуждой) непосредственного участия человека в производстве необходимых ему благ.

В этом смысле можно говорить о том, что достижение истинной свободы лежит через познание (через Знание), которое позволит человеку создать «дополнение» исходной природы «самодействующей» сферой производства необходимых благ для удовлетворения несимулятивных потребностей. И – освобождения от работы (однокоренной со словом «раб» в русском языке). Стать свободным.

ЛИТЕРАТУРА

- Асмус В.Ф. Платон. М.: Издательство «Мысль», 1975. – 224 с.
- Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 312 с.
- Бодрунов С.Д. Ноономика. Монография. М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
- Бодрунов С.Д. Интеграция как фактор глобальной трансформации общественного устройства // Экономическое возрождение России. 2024. № 2(80). С. 5-11.
- Бодрунов С.Д. От экономики – к ноономике (тезисы к вопросу о стратегировании интеллектуально-креативного аспекта (ноо) трансформации общества) // Экономическое возрождение России. 2025а. № 1(83). С. 5-31.
- Бодрунов С.Д. Ароморфоз категории «труд» в рамках глобальной трансформации общества: знание, творчество, ноономика // Экономическое возрождение России. 2025б. № 2(84). С. 5-20.
- Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993. – 310 с.
- Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 2. С. 3-29.
- Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература (13 ноября 1905 г.). ПСС. 5-е изд. Т. 12. М.: Издательство политической литературы, 1968. – VII-XXIII, 576 с.
- Осипенко А.С. Организационно-экономический механизм модернизации промышленных предприятий на основе трансфера технологий: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Санкт-Петербург, 2013. – 23 с.
- Freeman A. Creative Labor, Mental Objects and the Modern Theory of Production. *Science & Society: A Journal of Marxist Thought and Analysis*. Vol. 4. No. 84. 2020. Pp. 458-484. DOI: 10.1521/asiso.2020.84.4.458

Информация об авторе

Бодрунов Сергей Дмитриевич – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (Санкт-Петербург, Россия), президент Вольного экономического общества России (Москва, Россия).
(E-mail: inir@inir.ru) (elibrary AuthorID: 277010) (ORCID: 0000-0003-0136-5303)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

- Asmus V.F.* Platon. M.: Mysl Publishing House, 1975. – 224 p. (In Russ.)
- Bodrunov S.D.* The Coming. The New Industrial Society: Rebooted. 2nd edition, revised and supplemented. St. Petersburg: INID named after S.Y. Witte, 2016. – 312 p. (In Russ.)
- Bodrunov S.D.* Noonomy. Monograph. M.: Cultural Revolution, 2018. – 432 p. (In Russ.)
- Bodrunov S.D.* Integration as a factor in the global transformation of social order. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia*. 2024;2(80):5-11. (In Russ.)
- Bodrunov S.D.* From Economics to Noonomy (Theses on the Issue of Strategizing the Intellectual-Creative Aspect (ICA) of the Transformation of Society). *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia*. 2025a;1(83):5-31. (In Russ.)
- Bodrunov S.D.* Aromorphosis of the category «labor» within the framework of the global transformation of society: knowledge, creativity, noonomics. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia*. 2025b;2(84):5-20. (In Russ.)
- Freeman A.* Creative Labor, Mental Objects and the Modern Theory of Production. *Science & Society: A Journal of Marxist Thought and Analysis*. 2020;84(4):458-484. DOI: 10.1521/siso.2020.84.4.458
- Glazyev S.Yu.* Theory of long-term technical and economic development. M.: VlaDar, 1993. – 310 p. (In Russ.)
- Glazyev S.Yu.* World economic structures in global economic development. *Ekonomika i matematicheskie metody=Economics and Mathematical Methods*. 2016;52(2):3-29. (In Russ.)
- Lenin V.I.* Party Organization and Party Literature (November 13, 1905). *Collected Works*. 5th ed. Vol. 12. M.: Political Literature Publishing House, 1968. – VII-XXIII, 576 p. (In Russ.)
- Osipenko A.S.* Organizational and economic mechanism for the modernization of industrial enterprises based on technology transfer: abstract of a dissertation for the degree of candidate of economic sciences. St. Petersburg, 2013. – 23 p. (In Russ.)

Information about the author

Sergey D. Bodrunov – Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (St. Petersburg, Russia), President of the Free Economic Society of Russia (Moscow, Russia).

(E-mail: inir@inir.ru) (elibrary AuthorID: 277010) (ORCID: 0000-0003-0136-5303)

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 29.10.2025; одобрена после рецензирования: 20.11.2025; принята к публикации: 29.11.2025.